

ОЛЕГ МУХИН

ЧЕЛОВЕК: 2. DEUS EST
MACHINA (БОГ В
МАШИНЕ)

Олег Мухин

Человек: 2. Deus est machina (Бог в машине)

Серия «Человек (Олег Мухин)», книга 2

Публикуется с любезного разрешения автора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10697609

*Человек 2: Deus est machina (Бог в машине): «Остеон-Пресс»; Ногинск;
ISBN 978-5-85689-043-1*

Аннотация

Спивающемуся меломану, Артёму Комарову, доставляют странную посылку, которая на деле является некоей машиной, исполняющей желания, и с помощью которой можно путешествовать во времени. Артём выясняет, что эта удивительная машина раньше принадлежала его отцу, служившему в спецотделе ГРУ. Отец Артёма при помощи некоего Аналитика, тоже когда-то работавшего в разведке, а ныне почти столетнего старика, собирает составные части этой машины со всего мира. Помогло ли волшебное устройство Аналитика обрести молодость, отцу Артёма найти смысл жизни, а самому Артёму стать счастливым? Или машина только лишь разрушила их мечты? А, может быть, дело не в машине, и человек сам творец своей жизни? Ответы на эти вопросы вы найдёте, прочитав эту книгу.

Содержание

Часть первая. Сопротивление окружающей среды	6
Часть вторая. Машина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Мухин

Человек 2: Deus est machina (Бог в машине)

Я – глаз в небе, смотрящий на тебя

Я умею читать твои мысли

*Я – создатель правил, имеющий дело с
дураками...*

*Песня «Глаз в небе» из репертуара
группы «The Alan Parsons Project»*

Самая ценная вещь на свете – это когда

твоей жизнью не управляет никто, кроме тебя.

Роджер Вотерс

*Не хватит никакого здоровья, чтобы
приспособиться к этому глубоко больному
обществу.*

Кришнамурти

*Бойся своих желаний, потому что они могут
исполниться.*

Китайская поговорка

*Во многой мудрости много печали, и кто
умножает познания, умножает скорбь.*

Екклесиаст

Благодарности автора:

Благодарю Сергея Ретунского за большую информационную помощь и постоянные консультации по различным темам.

Выражаю также благодарность Михаилу Пашолок за моральную и техническую поддержку.

Часть первая. Сопротивление окружающей среды

1

Он с восхищением смотрел на Луну. Луна была огромная, серебристая и светила, как ему казалось, нереальным, неземным, божественным светом. Луна притягивала его взор своим величием, безразличием к людям, своей недостижимостью, недоступностью. И от ощущения собственной ничтожности перед Луной, от чувства неполноценности, от краха ему вдруг захотелось завывать на Луну. Завывать волком, завывать вервольфом. Желание было до такой степени сильным, что он действительно чуть было не завыл на Луну. Лишь мысль, а если кто-нибудь из приближённых увидит, как он, вождь нации, воет на небесное тело, удержала его от этого поступка.

«Надо было в сорок третьем снова идти на переговоры с этой мразью, с этим карточным шулером, с этой грузинской сволочью. Надо было заключить перемирие, выиграть время, а потом нанести ему сокрушительный удар нашим оружием возмездия. Надо было... Но так не хотелось гнуть спину перед этой мразью, перед этим карточным шулером, перед этой грузинской сволочью, перед недочеловеками. Низшая раса!..

А теперь всё кончено. Теперь даже фон Браун с его ракетами мне не поможет. Поздно. Партия проиграна. Осталось только застрелиться.»

Холодный ночной воздух пробирал до костей. Он поплотнее надвинул фуражку и втянул голову в воротник кителя.

«А ведь немец мог бы первым в мире ступить на месяц!» Богатое воображение живо нарисовало ему кроваво-красную Луну с белым кругом в центре, внутри которого чернела гигантская свастика. «Вот это был бы шедевр, почище всякой там еврейской мазни.

Шедевр поистине вселенских масштабов! Шпееру бы понравилось! Эх, повернуть бы время вспять. Всё бы изменил. Генералов бы, предателей, как вшей, передавил. Эх, мне бы машину времени!»

Луна со свастикой исчезла, а вместо неё на него теперь смотрела Луна в виде черепа – круглое лицо с чёрными провалами глаз, носа, рта. И тут он всё-таки не выдержал. Завыл. Как волк, как собака, как человек, раздавленный солдатским сапогом фатального рока.

2

С кровати Артём не встал, а свалился. Навернулся так, что почувствовал резкую боль в левой руке. «Не хватало мне только ко всем моим бедам ещё и перелома», – туманно подумал он. И сразу же вспомнил жуткий сон, который ему да-

веча довелось видеть.

Вспомнил мерзкую рожу чёрта, его наглые, чуть подслеповатые глазки, свиное рыло, смрадную вонь, идущую из усмехающейся пасти, доллароцветную шерсть. «Не зря он мне приснился.» Правда, никак не мог воскресить в памяти, что тот ему говорил. «А ведь сказал он что-то напоследок, какую-то гадость. Но вот какую, ни хрена не помню.» Артём уже сидел на краю кровати, изучал ушибленный локоть и одновременно осматривал полупустую комнату.

Комната действительно была почти пустая. 9-го числа он отес на барахолку последние тома книг из роскошной библиотеки отца. 16-го продал за бесценок соседке из второго подъезда картину Сторма Торгерсона «Человек с лампочками». Не какую-то там копию, а настоящий оригинал, за который по нынешним временам, наверняка, можно было получить не одну тысячу, в валюте. А 28-го пришлось расстаться с коллекцией винила.

Распродажа хищными щупальцами добралась-таки до святая святых.

«Вроде нормально всё с рукою», – безрадостно констатируя факт, Артём теперь искал глазами её – являющуюся вот уже который месяц источником единственной радости, ежедневным смыслом существования, всегда дружелюбную и желанную бутылочку водочки. На горизонте источник радости почему-то не просматривался. «В холодильнике стоит родимая.» И даже сглотнул от того, что представил, как ле-

дяная чудесная жидкость

морозит его горящую гортань.

Холодильник, однако, был пуст – хоть шаром покати. Не только никакого намёка на «блондинку», но и на закуску. «Продать его тоже, что ли, к чёртовой матери? Зачем мне холодильник, если в нём, кроме инея, нет ничего?», – подумал Артём, пытаясь сообразить, куда он вчера подевал остатки водки. Информация никак не вспоминалась. Перед глазами стояла лишь классическая этикетка «Столичной», больше ничего из памяти извлечь не удалось. «Видимо, всё-таки до доньшка я её выжрал, а бутылку в сортир закинул. Надо там посмотреть.»

Туалет, совмещённый с ванной комнатой, у постороннего наблюдателя вызвал бы неприятный осадок. Кафельная плитка местами обвалилась, зеркало с повреждённой амальгамой треснуло, раковина висела на соплях, унитаз отдавал тухлятиной, а давно не используемая по назначению ванная была почти до верху завалена пустой стеклотарой. Владелец данного богатства удовлетворённо хмыкнул и под урчание мочи стал строить планы, как всю эту уйму бутылок превратить в товары, пригодные для хранения в холодильнике.

«Колбасы куплю и сыра. Сыра что-то я давненько не едал. А ещё огурчиков солёненьких. Или квашеной капусточки. Ну и на пару пузырьков должно хватить. Эх, сегодня попирую!.. Как же мне всю эту мутотень в пункт приёма посуды доволочь? Где-то у меня тут мешок полиэтиленовый валял-

ся... Куда я его подевал? Чёрт, никак найти не могу!.. Куда он запропастился? Чёрт! Как же теперь тащить-то бутылки без мешка?! Чёрт, чёрт, чёрт!»

И вдруг он с поразительной ясностью вспомнил, что сказал ему тот самый чёрт из ночного сна. И от этой фразы Артём вспотел даже. А сказал ему нечестивый следующее: «Жить тебе, Тёмка, осталось недолго. По земле ходить скоро забудешь. Дрова горят.

Вода закипает. Чугунный котёл ждёт не дождётся. Скоро встретимся у меня, в аду! Скоро увидимся в Машине!»

3

Чарльз, как и вчера, вышел первым. Хоть и были мы с ним в одном звании, но поскольку он являлся всё же командиром корабля и за плечами у него имелся богатый опыт полетов на «Близнецах», то положение, как говорится, обязывало. Субординация, так сказать. К тому же он был на два года старше меня. Я вышел на 10 минут позже. (Вчера – на полчаса позже!)

Как и вчера, мы собирали образцы лунного грунта, для чего исследовали шесть малых кратеров. А затем отправились выполнять основное задание второго дня. На расстоянии

примерно ста шестидесяти ярдов от «Интерпида», почти в центре довольно большого цирка, стояла автоматическая межпланетная станция «Сёрвейер 3», находящаяся там с ап-

реля 67-го. Нам нужно было демонтировать некоторые её элементы для изучения в земных лабораториях. Именно поэтому посадочный модуль сел неподалёку от «Сёрвейера».

Автоматическая станция на вид была неказиста. Этакая тренога с мачтой, на конце которой располагались две квадратные солнечные батареи. Но когда мы спустились в кратер и подошли к станции поближе, как я, так и Чарльз (как он мне потом признался) ощутили некое тёплое чувство от этого самого, неказистого на вид треножника, увидав за 240 тысяч миль от матушки-Земли что-то пусть и металлическое, но земное, что-то родное, посреди абсолютно чужого, в основном однообразного пейзажа.

Помимо солнечных батарей, на жёстком каркасе «Сёрвейера» имелась ещё куча всякого оборудования: основной и вспомогательный двигатели, различного рода антенны, контейнеры с электронной начинкой, топливный бак, телевизионная камера и прочая мелочёвка.

Пришлось повозиться, пока мы с Чарльзом снимали одну из панелей батарей, контейнер с электроникой и телеглаз. Особенно намучились с антенной посадочного радиолокатора, находящейся рядом с соплами двигателя мягкой посадки, отчего, возможно, и деформировались болты крепления антенны. Не хотела антенна домой. Тем не менее, с заданием мы справились, а спустя 7 часов стартовали.

И только после стыковки с «Янки Клиппером» и фотографирования Луны с селеноцентрической орбиты – на про-

щение! – в компании с соскучившимся по нам Ричардом я неожиданно понял, что ведь на «Сёрвейерах» всегда было два контейнера с электронным оборудованием. А вот на «Обозревателе 3» – почему-то один. Но я об этом им не сказал. Ни Ричарду, пилоту основного блока корабля «Аполлон 12», ранее летавшему с Чарльзом на «Близнеце». Ни Чарльзу, нашему командиру, который был и постарше меня, и поопытнее.

4

Внешностью и ростом Толик одновременно был похож на известного рок-певца Ронни Джэймса Дио и на композитора детских песен Шаинского. Но сам Толик больше любил, когда его сравнивали с Дио. Поскольку музыка Дио была ему гораздо ближе, чем какие-то там попсовые мелодии для дошколят. Толик Гусев по кличке Рок-н-ролл был меломаном, и не просто меломаном, а аудиофилом. Аппаратура, стоящая у него дома, стоила огромных денег, была, что называется, фирменная и на этой фирменной аппаратуре слушал Толик преимущественно виниловые пластинки. Которые тоже были фирменные и стоили немало.

– Ты зачем, придурок, продал Торгерсона какой-то шлюхе? – возмущался Рок-н-ролл и даже поплёвывал на Артёма брызгами слюны при этом. – Не мог мне его предложить? Я бы тебе хорошую цену дал, а не копейки копеечные. Ушёл за

такой мизер! Мозги у тебя вообще есть или пропил все?... Как она тебя охмурила? Чем взяла? На вид-то – сука из сук! Арт, ну что ты в самом деле! Зла на тебя не хватает... Ну, подумай, на кой ляд ей «Человек с лампочками»? Что она в этом понимает? Наверняка, толкнула его уже...

Артём молчал, виновато пожимал плечами и криво улыбался. Объяснять ему ничего не хотелось. Да и трудно было словами объяснить. Соседка из второго подъезда это просто его женщина, и всё тут. Пусть она страшненькая, пусть далека от совершенства, а он что – Ален Делон? Он же неудачник и алкоголик. С ней ему хорошо бывает. Этого достаточно. И рассказывать Толику подробности, как ему бывает с ней хорошо и от чего – всё равно, что трусы свои обосранные на всеобщее обозрение выставлять. Любовь – дело интимное. Индивидуальное. Даже Толику, близкому другу, о ней говорить не следует.

– Что там за фигню по ящику показывают? – чтобы сменить тему, Артём перевёл стрелки на другие рельсы. Телевизор у Рок-н-ролла показывал что-то странное. Звука, правда, не было.

– А, это, – Рок-н-ролл тоже поглядел на экран. – Похороны, конечно.

– Похороны? Чьи? Шишка, наверное, какая-то загнулась. Вон сколько народу собралось.

– Ты что, разве не знаешь? Ах, да, у тебя ж «Соника» больше нет... Путина, брат, хоронят. Урну с его прахом на лафе-

те везут. В кремлёвскую стену замуруют.

– Шутишь!.. Террористы что ли подорвали?

– Не-а. Разбился наш Вовчик. В лепёшку. Ничего от него не осталось.

– Как так?

– Ну, ты знаешь, что он на подводной лодке на дно морское опускался. На военном самолёте летал. На гоночной машине ездил. Собирался в космосе побывать, да, как видишь, не судьба.

– Откуда же он упал? Давай не тяни, рассказывай.

– Из тропосферы свалился. Затяжной прыжок с пяти тысяч метров. Почему не раскрылся парашют – полная загадка. Правительственная комиссия работает.

– А запасного разве не было?

– В том-то и дело. У него на груди кислородный баллон висел.

– Надо же! Кагэбэшники должны ж были сто раз аппаратуру проверить.

– Должны были, конечно. Заговор. Определённо. Диверсия. То ли парашют испортили, то ли дыхательную маску... Но, ты знаешь, Арт, мне Путина не очень жалко. Вот если бы Медведь погиб, я бы сильно расстроился. Даже выпил бы с тобой за упокой его души.

Медведь всё-таки наш человек. Он «Deer Purple» любит. Правильный президент. А Путин что? Он от «Любэ» торчал. А я, как и ты, наши группы не уважаю.

– А Медведь что сказал?... Может быть, он это всё и организовал, чтобы от конкурента на следующих выборах избавиться?

– Да нет, ну что ты!.. Хотя...

– А, может, Путин сам с собой покончил? Надоела ему на хрен вся эта ерунда под названием жизнь. И решил он за колечко не дёргать. И останется он в памяти людей ещё не старым смелым человеком, о котором потом будут легенды рассказывать. А загадочная смерть только добавит интереса. Что-то вроде смерти Юрия Гагарина. Может, забрали Путина инопланетяне... Как тебе такая версия?

Толик сказал: «Ну ты, Арт, даёшь!», нажал кнопку на пульте, и из «Панасоника», принадлежавшего не так давно Артёму, полилась траурная мелодия.

5

Хрустальная люстра просто убила меня наповал. Практически вся целенькая, ничуть не заросшая водорослями и прочими разными ракушками, висит себя такая и посверкивает отражёнными иглами лучиков. Я даже дышать перестал, когда она из мрака возникла. И речь отнялась. Минуты на две. Не меньше.

Ну и молодец «Джэйк»! Так бы и поцеловал его. Прямо в стеклянный глаз. Пролез туда, куда батискафы русских никогда бы не добрались. Не зря мы его и «Элвуда», дублёра,

смастерили. Не зря кучу долларов на них истратили. Отработали ребята затраты. В полной мере. Теперь все эти кадры мы выгодно продадим. Хорошую прибыль получим. А если ещё удастся кое-что из найденных предметов на борт «Академика» поднять, так вообще миллионерами станем. Это точно.

Билли сидел слева от меня, за соседним монитором, наблюдал за находками нашего робота. Он так же, как и я, оторваться не мог от экрана. Я лишь мельком на него взглянул и понял, что мой приятель сейчас смотрит самый интересный фильм в своей жизни. Вся продукция Голливуда сейчас для него превратилась во второразрядную подделку. В мусор, который не имеет никакой ценности. Потому что фальшив, как вставная челюсть. А то, чем в настоящий момент занимался Билли, практически сросшись с «Джэйком» при помощи джойстика, это вот и было настоящее кино.

Русские тоже парни, что надо. Если бы они не нашли корабль, фиг бы я сегодня люстрой любовался. Судно у них хорошее, головы умные, руки золотые. А капитан так вообще умница. Язык знает, в искусстве разбирается и дисциплину железную на «Академике» держит. Я оторвался от экрана, посмотрел на «мастера». Он в это время у цветного эхолота стоял. О чём-то с Мишкой-«чифом» беседовал.

И тут до этого тихо сидящий Билли мне прямо в ухо как заорёт: «Джэйми! Посмотри, что я нашёл! Это же уму не постижимо! Это же чёрт знает, что такое!» и локтём как больно двинет в мой левый бок.

День не заладился с самого начала. Может быть, потому, что был понедельник. («Не люблю понедельники», – сказал однажды Боб Гелдоф и именно так назвал свою самую знаменитую песню.) А, возможно, из-за того, что наступило тринадцатое число. Как бы там ни было, но в понедельник тринадцатого он ощутил на собственной шкуре очень сильное СОС. Аббревиатура СОС расшифровывалась, как «сопротивление окружающей среды». Так Артём в шутку называл те мелкие и крупные неприятности, которые ежедневно обрушивались на него, как только он просыпался и начинал что-то делать. Бывали дни, когда сопротивление окружающей среды почти не ощущалось. А случалось и по-другому (особенно в последнее время) – СОС, как назойливая муха, весь день преследовало его. Нынче же оно ну просто озверело.

Утром, как только он поднялся с кровати, Артём обнаружил, что куда-то пропали тапочки. Тапочки хоть и были давно некрасивы и, хуже того, в районе больших пальцев протёрты до дыр, однако ходить в них по полу было гораздо теплее. Тапки он отыскал почему-то не под кроватью, не под креслом, а на крючках вешалки, по соседству с джинсовыми штанами и рубашкой.

Потом в кране не оказалось горячей воды. И умываться

пришлось холодной, почти ледяной. Он посмотрел на своё отражение в зеркале, спросил: «Почему ты сегодня грустный?». И равнодушно ответил: «Потому что трезвый». Фарфоровая мыльница, выскользнув из рук, разбилась практически вдребезги. Он собрал осколки, зная, что это ещё не конец. Несчастья только начинались.

Электроплитка, представлявшая собой кустарного производства кирпично-жестяное чудище, обменянное у одного барыги на рок-энциклопедию, сразу же вышла из строя, издав характерный хлопок короткого замыкания, лишь только он воткнул вилку в розетку. С заляпанной пятнами от еды плиткой он провозился не менее получаса, пока нашёл и устранил дефект в проводе. Вскипятил чай, позавтракал вчерашними бутербродами.

Теперь ему надо было побриться и устроить себе банный день. Потому что сегодня он собирался пойти к Рок-н-роллу, а Толик очень не любил, когда Артём плохо выглядел, и уж тем более, когда от него дурно пахло. Бритьём и мытьём Артём собирался задобрить Толика, чтобы тот был сегодня лояльно настроен к другу и купил у Артёма компакт-диски. Артём представил недовольно скривившуюся физиономию Рок-н-ролла, когда он выложит перед ним стопку Си-Ди-шек. Рок-н-ролл считал, что качество музыки на компакт-дисках гораздо хуже, чем на виниловых пластинках, поэтому он предпочитал слушать аналоговый звук, а не цифру. Однако винил уже был Рок-н-роллу продан, оставались

только компакт. Артём поставил на плитку кастрюлю с водой, с опаской воткнул штепсель и пошёл отбирать диски.

Раньше Артём любил своё имя главным образом потому, что оно содержало в себе слово «арт», которое ему весьма импонировало. Музыка именно в стиле арт-рок больше всего раньше нравилась Артёму. Он вынул из картонной обувной коробки три десятка компашек, разложил их на диване. Здесь были и Манфред Мэнн, и «Супертрэмп», и «Джетро Талл», и «Йес», и «Барклай Джэймс Харвест», и «Кэмел», и... самая-самая группа – «Пинк Флойд». Он подержал в руках «Тёмную сторону Луны», «Завтрак в Америке», «Раджаз». Раньше для него это было настоящим сокровищем. Но не теперь. Он дошёл до той стадии, когда эти альбомы не вызывали в нём больше никакого волнения, никаких светлых чувств. Теперь ему было всё равно, есть у него эти диски или их не будет. И даже на то, сколько за них заплатит Толик, ему по большому счёту было в общем-то тоже наплевать.

Со стороны кухни потянуло какой-то ядовитой гарью. Артём принялся, подумав: «Парад планет сегодня что ли?». И в этот момент его буквально оглушила трель дверного звонка. Он даже дёрнулся от неожиданности. Потому что давно забыл, как звучит его дверной звонок. К нему ведь никто не приходил вот уже лет сто. А, может, и все двести.

Артём нехотя приблизился к двери, посмотрел в глазок. Ничего не увидел. Видимо, тот, кто стоял с обратной стороны, закрыл глазок ладонью или заклеил жвачкой. Он не ждал

ничего хорошего, но всё же тихо спросил: «Кто?». Из-за двери ответили: «Конь в пальто».

7

Миссис Полли Самсунг не спалось. Не потому, что за окном впервые за несколько лет падал снег, который она очень любила. А потому, что спать сегодня было невозможно. Из-за Джилмора. Из-за его ужасного храпа. Её муж сегодня снова перебрал виски и снова выдавал такие рулады, что находиться с ним рядом было для неё просто невыносимо.

Она закрыла на защёлку дверь спальни и прошла в крохотную гостиную. Там, закутавшись в старенький плед, она уселась в своё любимое кресло-качалку, придвинутое почти к самому подоконнику и стала наблюдать, как крупные, похожие на лебяжий пух хлопья снега, бесшумно опускаются с небес на тихую улочку. Со второго этажа ей хорошо были видны и дорога, и два фонаря, и телефонная будка, покрытые белым нежным одеялом. И она с умилением вспомнила первое в своей жизни рождество, когда, будучи маленькой девочкой, она вместе с другими детьми водила вокруг ёлки хороводы. Вспомнила, какое это было счастье. Вспомнила конфеты и конфетти. Раньше она всегда радовалась рождеству и новому году.

Полли печально подумала о том, как беспощадно время. Как оно бессердечно. Как оно жестоко обошлось с ней.

Больше нет той весёлой, жизнерадостной хохотушки в летнем платице в синий горошек. Нет популярной красавицы-журналистки, которую одаривали комплиментами известные писатели. Нет светской дамы, подруги знаменитого богача-гитариста, которой завидовали окружающие.

А есть прокисшая лондонская богадельня. Есть высохшая больная старуха. Есть муж, проигравший в казино и прокутивший в дорогих ресторанах гигантское состояние. Есть дети, которым больше не нужны их родители. И есть единственная радость в жизни – окно, выходящее на Лэндсиар-роуд. И в этом окне сегодня показывают её любимый снег.

Снег падал и падал. И вчера ещё грязная улочка становилась девственно чистой. Полли подумала, что такой день, наверное, хорош для похорон. В такой день, наверное, хорошо лежать в могиле, зная, что снег укроет тебя своим тёплым белоснежным покрывалом. А ещё лучше лежать вместе с Джилмором, потому что с ним не так одиноко. И пусть он лысый и толстый, пусть у него большой живот и слуховой аппарат. Пусть ему уже девяносто один, а ей всего лишь семьдесят четыре. Пусть он слабый человек. Но всё же, несмотря ни на что, она до сих пор испытывает к нему нежные чувства. И ей будет чертовски тоскливо в земле без него.

Ей приснились её и Джилмора похороны. Она была вся в белом. А он, естественно, в чёрном. Их дети и внуки плакали. Оркестр играл музыку мужа. Шёл снег. Торжественная и величественная картина.

А под утро, когда её разбудила сильная боль в коленях, и она, встав с кресла-качалки, собралась принять обезболивающую пилюлю, Полли машинально посмотрела в окно. И чуть было не свалилась в обморок от увиденного. Стоявшая бог знает сколько лет на тихой Лэндсиар-роуд телефонная будка вдруг куда-то за ночь исчезла, а вместо неё остался лишь тёмный след, черный квадрат Малевича посреди белого поля.

8

Сашка Немец, как оказалось, не попал ни в какую тюрьму, а просто довольно длительное время пребывал в «загранкомандировке». Сашка Немец был «чёрным археологом», хотя в трудовой книжке у него было написано «музыкант». Что же касается фамилии, то я не помнил, какая у него была фамилия. Все и всегда звали его Немцем. Потому что любил Сашка немецкую атрибутику времён второй мировой войны, собирал книги по истории третьего рейха, коллекционировал фашистские песни и фильмы.

Нет, Сашка Немец не состоял ни в каких скинхедских организациях, в последнее время особо модных в России. Ни в каких группировках не числился. А объяснял своё хобби чистым любопытством и желанием детально изучить прошлое, приводя в качестве примеров или образцов для подражания таких общеизвестных во всём мире личностей, как Дэвид

Боуи и Лемми Килмистер. И тот, и другой, по словам, Сашки, обладали солидными архивами антикварных вещей, относящихся к Германии периода 1933–1945 годов, и «почему-то никто их за это не осуждал, несмотря на то, что их родина воевала с Гитлером».

А ещё Сашка Немец любил юмор. Его «фирменным блюдом» были крылатые выражения и поговорки, переделанные им на шутилым манер. Ну, например, фраза «голь на выдумки хитра» в Сашкиной интерпретации звучала так: «голая на выдумки хитра».

Он и меня заразил этим своим хохмачеством. Правда, я сумел всего лишь переименовать некоторые названия знаменитых альбомов группы «Pink Floyd»: «Тёмная сторона жены», «Вам бы здесь поплевать», «Блюдец, полное секретиции».¹

Я был безмерно рад его появлению. К тому же Сашка пришёл не с пустыми руками. Трёхлитровая бутылка свежайшего бочкового пива и увесистый шмат вяленого балыка служили тому доказательством. Мы пили пиво, слушали «Classic Rock FM» и разговаривали.

Надо сказать, что, войдя в моё опустошённое жилище, Сашка Немец не изрёк ни одного слова удивления, не издал ни единого возгласа разочарования, и уж тем более не стал с ходу банально наезжать на меня. И за это я ему был очень

¹ «Тёмная сторона жены», «Вам бы здесь поплевать», «Блюдец, полное секретиции» – Имеются в виду названия известных альбомов «Pink Floyd»: «Тёмная сторона Луны», «Вам бы здесь побывать», «Блюдец, полное секретов». (Прим. автора).

благодарен. Сашка вёл себя, как настоящий дипломат, делая вид, что он не видит у меня никаких изменений, и обстановка в моей квартире осталась той же, какой она и была, когда он тут находился в последний раз. Я, разумеется, заметил, что лицо его сделалось чуточку унылым, но Сашка Немец сразу же пустился рассказывать о своих весёлых приключениях, и тень печали быстро слетела с его загорелой физиономии.

В Крыму, под Керчью, они откопали большое количество хорошо сохранившегося оружия, как немецкого, так и нашего, плюс нашли семь железных крестов, столько же эсэсовских финок и даже золотой перстень, принадлежавший якобы какому-то фашистскому бонзе. Будучи рок-музыкантами, Сашкина банда с наглым видом расхаживала по городу, спрятав и металлоискатели, и найденное в кофры из-под гитар, пока не реализовала основную часть раритетов одному местному знатоку-перекупщику.

По ходу авантюры подпольным старателям пришлось столкнуться, как с нарядами полиции, так и с эфэсбэшниками, но всегда они выходили сухими из воды, поскольку мэр города выдал им бумажку с печатью, удостоверяющую, что они являются главной группой, приглашённой им на день города. Что полностью соответствовало действительности. Потому что Сашкина банда ночью занималась незаконными раскопками, а днём вполне легально исполняла популярную среди молодёжи музыку. Весь прошедший год они подобным

образом «гастролировали» по полуострову.

Излагая свою историю, Сашка вставлял в повествование следующие выражения: «Обделались лёгким испугом», «Лучше синица в руках, чем утка под кроватью», «Сколько тебе дать денег, чтобы ты, наконец, сдох?», «Береги челюсть смолоду».

9

На бэджике было написано: «Michael Douglas. Security». Но в действительности охранника звали по-другому. Секьюрити, конечно же, не был в прошлом известным голливудским артистом. А был он мексиканцем и просто сменил своё имя и фамилию, когда получал американское гражданство. Он стал Майклом Дугласом, чтобы, как ему казалось, лучше вписаться в свою новую жизнь, ну а фильмы с участием именно этого актёра были его любимыми фильмами, и поэтому ничего более подходящего ему в голову не пришло.

Хотя новоиспечённый Майкл Дуглас и был мексиканцем, но мексиканцев он не любил. А тем паче индейцев. Он сразу заприметил рослого аборигена США, когда тот появился в выставочном комплексе почти перед самым закрытием. Несмотря на то, что индеец был одет в обычный джинсовый костюм, носил стандартную бейсболку, а за плечами у него болтался традиционный рюкзачок, то есть он практически ничем не отличался от многих других посетителей му-

зая астронавтики, смуглое лицо и две длинные, туго заплетённые косички выдавали в нём потомка персонажей книг Фенимора Купера.

Охраннику индеец сразу не понравился. Своим рюкзачком. «А что если там бомба? – подумал он, не обращая никакого внимания на тот факт, что посетитель успешно преодолел рамку металлодетектора с сенсорами. – Знаю я этих краснокожих проходимцев. Они и через сигнализацию бомбу пронесут. Вся эта инженерия лишь для янки преграда. Надо бы ему в сумку заглянуть.»

Индеец не смотрел в сторону Майкла Дугласа. Он с интересом разглядывал экспонаты, читал информацию о них на стендах, и вроде как не собирался ничего тут взрывать. Особенно его заинтересовал корабль «Меркурий», на котором Джон Гленн впервые совершил свой суборбитальный полёт. Краснокожий с косичками даже голову засунул внутрь капсулы. Потом он походил вокруг лунной четырёхколёсной тележки и что-то там произнёс на своём индейском языке. Охранник не понял что, но пока терпел. А вот когда он остановился напротив «Аполлона», состыкованного с русским «Союзом» и вроде бы собрался подняться по трапу, ведущему в глубь этих огромных цилиндров и сфер, здесь лже-Дуглас не выдержал.

Немцы и австрийцы уже убрались, на прощанье ещё раз прощёлкав артефакты своими фотоаппаратами. Поэтому с индейцем охранник остался один на один. Поправив фураж-

ку и правой рукой на всякий случай ухватившись за рукоятку «кольта», торчащую из поясной кобуры, он приблизился к сыну прерий и, как можно вежливей, произнёс:

– Добрый вечер, мистер. Не могли бы вы показать мне содержимое вашего рюкзака?

Коренной житель Северной Америки, вздрогнул от неожиданности, увидав перед собой охранника. Видимо, ранее он принял его за некий космический экспонат. Краснокожий с косичками чуть-чуть подумал и на плохом английском ответил:

– Ругсаг? Ругсаг фустой.

Индеец широко улыбнулся, выставив на обозрение два ряда жёлтых от табака зубов, снял котомку с плеч, расстегнул замки и... совершенно неожиданно вытащил на свет божий какой-то алюминиевый ящик. Дальше всё произошло очень быстро. Держа ящик на ладони, он подsunул его прямо под нос Майклу Дугласу и сказал:

– Пошалуста.

Глаза у секьюрити вылезли из орбит.

– Так это же..., – растерялся он, но не договорил. Потому что краем уха услышал плевок, взор его помутился, а сознание резко отключилось. Последнее, что он успел подумать, было: «Fuck!»

– Сердечный приступ, – на абсолютно нормальном английском сказал экскурсант, вытащил из шеи мешком лежащего Майкла Дугласа маленький дротик, затем прошёл в

другой конец зала к табличке с надписью «Элементы, снятые с АМС «Сёрвейер 3»», заменил имеющийся контейнер с электронным оборудованием на фальшивый, принесённый им в рюкзаке, и, насвистывая какую-то весёлую песенку, не спеша, побрёл к дверному проёму, в котором просматривалась первая ступень гигантской ракеты «Сатурн 5», стоящей снаружи, у входа.

10

– Не болтай ерундой, – сказал Сашка. – Гитлер не был гомосексуалистом. Это ты «REN TV» насмотрелся, когда у тебя телевизор был. Ты ещё скажи, что он высасывал кровь из младенцев. Чушь полная. Ничего общего с реальностью не имеющая. А вот тебе, Арт, исторический факт – американский журнал «Time» в 1938-м назвал Гитлера человеком года. Тебе это известно? Весь мир тогда восхищался им: и США, и Англия, и СССР. Потом возненавидели, когда их любимец повёл себя неадекватно, и то, что они ему пели дифирамбы, об этом все быстренько позабыли.

Сашка был одет в новенькую бундесверовскую форму, привезённую им из своих крымских вояжей. Из-под пятнистой кепки с чёрно-красно-жёлтым флажком торчал его белобрысый чубчик, а на меня смотрели небесно-голубые Сашкины глаза. Ни дать, ни взять – «истинный ариец, характер нордический, стойкий».

– Ты прямо – адвокат Гитлера, – сказал я, вытирая рот куском газеты. Балык был до того жирный, что жир стекал

на подбородок. – Разве он не считается самым чудовищным злодеем на земле?

– Ямщик, не гони лошадей. Это евреи его так называли. Если бы Гитлер, евреев не тронул, он бы сегодня был окутан такой же славой, что и Наполеон. Евреи просто умеют за себя постоять. В отличие от русских. Сталин русских солдат не жалел, они для него пушечным мясом были. А русские до сих пор Сталина почитают. Он в России национальный герой.

И в адвокаты Гитлера меня не записывай. Я вообще терпеть не могу кровавых диктаторов. Но я за объективность и историческую справедливость. Если быть до конца честными, то всем нам давно надо признать, что Великая отечественная война Советским Союзом была фактически проиграна. Так называемая победа в ней была сомнительного свойства, не оправдывающая принесённых ради неё жертв. Это была пиррова победа.

– Вот только как это ветеранам объяснить? – сказал я.

– Тут я с тобой согласен. Они не поймут... Ветераны и все те, кто погибли, сражаясь за родину, – на самом деле истинные герои, достойные всяческого уважения. Никто не собирается преуменьшать их подвиг. А вот советские стратеги во главе со Сталиным – мясники и душегубы, бездари, понапрасну угробившие миллионы солдатских жизней, – сказал Сашка, а, помолчав, добавил. – ...Или ещё один убойный факт. Отгадай, чей автограф в Интернете самый дорогой –

пять тысяч долларов стоит?

– Неужто Гитлера?

– Я тоже удивился, когда узнал. Напрашивается вывод. Оказывается, как ты говоришь, самый чудовищный злодей в мире пользуется самой большой популярностью среди пользователей Сети.

– И всё-таки ты – адвокат Гитлера, – я снова атаковал Сашку, хотя пил его пиво.

– При чём здесь?... Ладно. Давай тогда о тебе поговорим, – Немец, видимо, решил сделать ответный выстрел. – А зомби-то здесь тихие. Да? Ха-ха-ха!.. Тёмка, ты не обижайся, пожалуйста, но я совершенно тебя не узнаю. Что с тобой случилось-приключилось? Почему человек, занимавший вполне нормальное положение в обществе, вдруг превратился в аутсайдера? Почему ты не работаешь, Арт? Тебя выгнали?

– Нет. Я сам ушёл. Просто работа, какая бы она ни была, даже любимая, это рабство. Она для роботов, а я – человек. Однажды утром я проснулся и подумал, а почему, собственно говоря, я должен сегодня идти на работу? Потому что мне нужно зарабатывать деньги, чтобы покупать на них еду, одежду, оплачивать квартиру и прочее? И это всё? Я нахожусь в Машине только ради этого? Трачу свою уникальную жизнь на такую чепуху? Неужели я не могу себе позволить не работать? Хотя бы год? Неужели я не могу сделать себе подарок? Раз в жизни? Пожить так, как мне хочется, а не так, как им надо?

– Ну и проблемку ты себе придумал, – сказал Сашка. – Все же в этой системе, и ни у кого подобных вопросов не возникает... Ах да, ты же не все... И ты ушёл с работы, а потом резко кончились деньги. Правильно?

– Деньги кончились, моё место занял другой, я выпал из обоймы.

Исправно работающий всё это время радиоприёмник вдруг щёлкнул и вырубился, погрузившись в гробовую тишину.

– Целый день сегодня какая-то чертовщина, – прокомментировал я. – Сначала плитка сгорела, теперь вот приёмник отказал.

– А ты ведь был ещё и президентом фэн-клуба «Pink Floyd».

– Был, – я вылил остатки пива в свою и Сашкину кружку. – Понимаешь, «Pink Floyd» – это пустышка. Соска такая детская. Обманка. Думаешь, что напился молока, а во рту – только вкус резины.

– Не верю ушам своим. Помнится, раньше ты говорил совершенно обратное. Если я адвокат Гитлера, то ты тогда убийца «Пинк Флойда»... Подожди, но ведь у них же классная музыка, Арт...

Приёмник, щёлкнув, снова ожил, и, как это ни странно, проиграл песню группы «Pink Floyd». Под названием «Money» («Деньги»).

Натюрморт был такой: две пустые кружки, на промасленной газете – обглоданные кости и шкурки от рыбы, а рядом в виде веера – десять банкнот достоинством сто долларов каждая. Натюрморт мне нравился. Из овалов купюр на меня глядели десять близнецов – десять Франклинов. Здорово похожих на покойного соседа – дядю Колю. Сашка дал мне деньги, чтобы я, как он выразился, «выкупил у этого вампира Рок-н-ролла хоть какие-то свои вещи», а сам, прихватив бутыль, ушёл за пивом. Как я ни пытался в знак благодарности подарить ему компакт-диски, Немец брать их наотрез отказался. Сказал, что я их ещё сам буду слушать. Надо признаться, не ожидал я такого от «адвоката Гитлера». Хоть и тринадцатое число было на календаре и к тому же понедельник, а день явно удавался. Несмотря на то, что утром навалилась всякая всячина.

В дверь позвонили. «Что-то он быстро вернулся», – подумал я, всунул баксы в карман джинсов и с радостью побежал открывать.

На пороге стоял человек в синей униформе с какой-то бумажкой в руке.

– Артём Иванович Комаров? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Лисконоженко восемнадцать, квартира пятьдесят де-

вять?

– Да, – ничего не понимая, подтвердил я.

– Вам посылка, заносите, ребята.

Он посторонился, давая дорогу трём крепкого телосложения парням, одетым точно в такие же, как у него, комбинезоны. Парни подняли огромный ящик, стоящий на лестничной площадке, и стали втаскивать его ко мне в квартиру. Ящик был действительно огромный, он еле прошёл в дверной проём.

– Но я ведь ничего не заказывал, – отчаянно пытаюсь сообразить, что бы всё это значило, сказал я. – И ничего платить не буду.

– Всё уже оплачено. Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Парни поставили ящик в прихожей, установив его вертикально. Я расписался на бумажке, спросил:

– Кто отправитель – здесь ничего не указано? И вообще, что вы мне принесли?

– Это сюрприз, есть у нас такая услуга, – сказал главный. – Мы – служба доставки. Нам дали задание доставить, мы доставили. К доставке претензии есть? Нету. Всего хорошего.

Уходя, четверо незнакомцев повернулись ко мне спиной. У каждого между лопаток было написано оранжевыми буквами «DHL».

«Что это может быть? – подумал я, оставшись один, в явном смятении прохаживаясь вокруг ящика. Ящик был из фанеры и не имел ни единой надписи. Только на одной сторо-

не внизу чёрной краской от руки были намалёваны какие-то мелкие циферки. – Может, это холодильник? Может, Толика совесть замучила, и он решил вернуть мне мой рефрижератор? Да нет, мой «LG» хоть и был большой, но этот просто гигант. Может, из-за упаковки? Обалдеть!»

Я направился в гостиную и выглянул в окно. Четвёро парней в синих спецовках, вышедших из подъезда, уже садились в автофургон.

Часть вторая. Машина

1

Все ликвидаторы имели личные номера, и только у него помимо цифрового кода было ещё и прозвище – Хет-трик. Как-то раз ему удалось за одни сутки ликвидировать три объекта. Он был один такой уникальный в Управлении.

На этот раз задание было пустяковое. Один старый хрыч (из бывших) впал в маразм и стал слишком много болтать. Наболтал известному таблоиду то, чего не должен был, и теперь надо было ему заткнуть рот. Намертво.

Объект был нетрудный. Поэтому Хет-трик не стал лезть на крышу или на балкон, или подниматься чёрным ходом, а пошёл напрямую, через парадное крыльцо, прихватив с собой лишь пару микрофонов и пистолет-шприц.

Консьержка оказалась первой категории внушаемости. Фактически можно было сделать так, чтобы она сама всю его работу выполнила. Но он не захотел возиться, а только запрограммировал её на неузнавание.

Дверь искомой квартиры была стандартная: два английских замка, обычный глазок. Таких дверей у него было тысячи. Микрофоны вообще не понадобились. И так было ясно

– работает телевизор, старый хрыч, наверняка, сейчас смотрит футбол. Именно в это время должны были играть наши со швейцарцами.

На самом деле ситуация складывалась несколько другая. Источник звука находился на кухне. И оттуда слышался не футбольный матч, а эстрадный концерт. Он тихонечко заглянул в дверной проём. Видимо, это была домработница, о которой говорил Контролёр. Она мыла посуду и что-то мурлыкала себе под нос в такт с транслируемой музыкой. Он видел её со спины. Несмотря на свои 64, энергичная особа, длинные рыжие волосы, большая задница. Он не стал её трогать. Она ему пока не мешала.

Хрыча он нашёл в зале. В зеркале отражалась его сгорбленная фигура, сидящая в кресле. Старик выглядел, как мумия: жёлтая восковая кожа, глаза закрыты – не лицо, а маска. Старик дремал, чуть-чуть посвистывая носом. Хет-трик вытащил пистолет-шприц и... потерял сознание.

2

– Ты видишь то же, что и я? – спросил Немец. – Или мне чудится?

Мы только что разломали упаковку. Вокруг нас валялись фанерные щиты. Гвозди угрожающе торчали, того и гляди – наступишь. Немец бросил на пол молоток и ломик.

– Красивая, зараза. Неужели она прямоком из Англии

прибыла?

– А то. Вон у окна фотка висит. Из журнала вырезал. Там Сева Новгородцев рядом с такой же стоит.

Изучив фотографию, Сашка произнёс:

– Точно, как две капли воды. А Сева постарел, сморщился весь, да и седой стал, как лунь. Что это он так вырядился: цилиндр, смокинг?

– Его же Орденом Британской Империи наградили. Из рук самой королевы получил.

– Ну, да, висит какая-то бляха. Железный крест, правда, красивей будет... Погоди-ка, так, может быть, это Сева тебе её подогнал?

Я посмотрел на Сашку, словно на сумасшедшего.

– Ты что! Сева скорее удавится, чем что-то пришлёт. Придумаешь тоже! Я книгу ему свою про «Pink Floyd» выслал, шесть лет ответ жду.

– «Кирпич к кирпичу»?

– Угу.

– Ну да, это сколько же надо было фунтов потратить, чтобы такой сюрприз тебе организовать? На пересылку несколько тысяч ушло, а уж сколько на сам подарок, я и представить боюсь. Может, у тебя ещё какой знакомый в Лондоне живёт?

– Есть один. Роджером Вотерсом кличут.

Немец расхохотался.

– Чтобы он раскошелится, глубоко сомневаюсь. Флойды, насколько я знаю, до сих пор делят, никак не поделят, кто из

них что сочинил.

– Чем богаче человек, тем жаднее.

– Ладно, – сказал Сашка, – сейчас выясним имя твоего почитателя.

Он достал мобильный телефон, начал нажимать на кнопки. Я обратил внимание, что от удивления Сашка прекратил вставлять в свою речь шутки-прибаутки. Да и я тоже был в шоке от происходящего. Голова у меня шла кругом.

– Алло, – сказал Немец. – Справочная? Мне бы номерок местного отделения «DHL». Да, «DHL». Ага, ага, ещё раз. Ага. Понял. Спасибо, девушка, – он снова набрал комбинацию. – Алло. «DHL»? Это вам из ФСБ звонят, полковник Михеев. Да. Вопрос национальной безопасности. Час назад вами была доставлена посылка Комарову Артёму Ивановичу, проживающему по адресу: Лисконоженко 18, квартира 59. В посылке оказалось мощное взрывное устройство, которое мы сейчас обезвреживаем. Да. Нам нужно имя отправителя, его координаты. Да. Комаров Артём Иванович, Лисконоженко 18, квартира 59. Да, я жду... Да. Как вы говорите? Ещё раз. Понял. Спасибо... Мы тут закончим с разминированием, и к вам подъедем. Письменные показания взять.

Я резко повернулся к Сашке, спросил:

– Кто?

На его физиономии читалась полная растерянность. Он смотрел на меня так, словно ему только что сказали, что отправитель он – Сашка Немец (или Александр Михеев, если

Михеев его настоящая фамилия).

– Ну, кто? Говори.

Сашка молчал. А потом он перевёл взгляд с меня на что-то, что происходило за моей спиной. Его лицо при этом ещё больше вытянулось, а рот приоткрылся. У меня сердце упало, когда он воскликнул:

– Мать честная! Да что же это в самом-то деле?!

3

Когда Хет-трик пришёл в себя и разлепил веки, то увидел сразу двух Аналитиков. Сначала он подумал, что у него двоится в глазах, но потом обратил внимание, что один Аналитик отличается от другого. Тот, что сидел в левом кресле, спал и похрапывал. А тот, что в правом, просто сидел и смотрел на него, на Хет-трика. На коленях у того, что смотрел, лежали большой рыжий парик и чёрная папка. Лица близнецов тоже несколько отличались. У того, что сидел слева, цвет кожи был, как у покойника.

Не спавший Аналитик заговорил первым. Он сказал, что ждал его, Хет-трика, ещё вчера; что интервью таблоиду он дал специально, чтобы Управление встревожилось и прислало ликвидатора; что всё получилось так, как он, Аналитик, и спланировал; что ликвидатор, то есть Хет-трик, попался на удочку; что хотя ему, Аналитику, и 97 с лишним, но голова у него очень хорошо работает, а будет она работать namно-

го лучше, если он, Хет-трик, выполнит его, Аналитика, задание.

Хет-трик ещё плоховато соображал, но понял, что старик действительно ловко переиграл его, что этот хитрый лис вколол ему медицину, и что, скорее всего, заснял его откровения на цифру, а рассказать ему, Хет-трику, есть о чём, и что, если Контролёр обо всём этом узнает, то ему, Хет-трику, конец.

Словно прочитав его мысли, Аналитик сказал, что положение у него, Хет-трика, на самом деле аховое, но отчаиваться не надо, а надо послушаться его, Аналитика, и сделать так, как он посоветует.

Хет-трик обнаружил также, что сидит он в кресле-каталке, и что руки и ноги у него закованы, но не в наручники, а в какие-то чудные, никогда ранее им не виданные мини-кандалы с цифровым замком, от которых вряд ли можно было быстро избавиться. Кроме того, выяснилось, что Аналитик тоже владеет гипнозом, и уровень у него очень даже приличный.

Аналитик сказал, что похороны его, Аналитика, состоятся завтра; что вот эта сидящая рядом с ним высокотехнологичная кукла будет лежать в гробу; что она по внешнему виду практически не отличается от оригинала, и что всё им уже организовано. Он сказал также, что завтра Хет-трик возьмёт положенный ему после ликвидации отпуск и доставит из-за границы то, что он, Аналитик, ему укажет.

Потом Аналитик вынул из чёрной папки бумаги и кое-какие из них зачитал. Там были копии секретных документов NASA. Там были отчёты о глубоководных экспедициях. Там были также аналитические выкладки самого Аналитика. И по мере того, как Аналитик читал эти выкладки и подробно комментировал их, засевавшая в голове у Хет-трика мысль о том, чтобы ухитриться вырваться из оков и всё-таки убить старого хрыча, постепенно улетучилась, а её место заняла другая – а почему бы ему, Хет-трику, и не поучаствовать в этом деле.

Тем более, что Хет-трику было хорошо известно, что старый хрыч в своё время разработал прекрасную схему, как выкрасть у американцев технологию изготовления атомной бомбы, и Лаврентию Павловичу, по сути, только и оставалось, что выйти на Розенбергов. Ходили слухи, что и к «шаттлу» Аналитик имел самое прямое отношение. Поэтому на первый взгляд кажущийся бред, слетающий с его уст, вполне мог оказаться совсем и не бредом.

Тщательно взвесив все «за» и «против», Хет-трик дал согласие.

4

Телефонная будка своей иллюминацией слегка походила на светофор. Короны в самом верху светились желтым цветом; ниже, надписи «TELEPHONE» – кроваво-красным, а

над дверной ручкой английское слово «PULL» горело зелёным.

– Аккумулятор в ней где-то спрятан, – сказал Сашка. – То ли под полом, то ли в крыше. И датчик, видимо, стоит. Среагировал на расконсервацию, – он поглядел на меня. – Да не ломай ты себе голову. Кто-то хреново пошутил. Какая-то сволочь прикрылась именем твоего отца. Кто-то из знакомых, которому известна история вашей семьи... Папа у тебя ведь, кажется, военным был. А он точно умер двенадцать лет тому назад?

– Точнее не бывает.

– И тело его ты видел?

– Конечно.

– При каких обстоятельствах он погиб?

Мне не хотелось ни вспоминать, ни отвечать, но я и вспомнил, и ответил:

– При испытаниях вакуумной бомбы под Семипалатинском. Он был аэрофотографом, а самолёт зацепило. Ну и...

– Ладно. Ясно, – Немец понял, что из меня он вряд ли что ещё вытянет, и снова обратил свой взор на объект исследований. Он подошёл к телефонной будке, открыл стеклянную дверь, вошел внутрь. Я нервно прохаживался снаружи, наблюдая за Сашкой.

Пенопластовая крошка похрустывала под ногами.

Как только он вошёл, к красному, жёлтому и зелёному добавился ещё и синий свет, включившийся внутри будки.

Свет был такой яркий, что Сашка мгновенно стал похож на инопланетянина из фильма «Аватар». Но он не испугался, а улыбнулся из-за стекла и скорчил страшную рожу. Сашкина жизнерадостность мне импонировала.

Сняв телефонную трубку, он приложил её к уху, послушал, и я опять увидел удивлённое выражение на его ставшей теперь синей физиономии.

– Представляешь, аппарат работает, – сообщил Немец. – И, что поразительно – разговаривает, подлец, на русском языке.

– Чего говорит? – спросил я.

– Говорит, введите десятизначный код, а то никакого соединения не будет.

Теперь удивился я:

– На фига мне такой телефон, если с него позвонить нельзя? Где я, чёрт побери, возьму этот код?

– А те, из «DHL», тебе его не сказали?

– Нет, я только на бумажке расписался.

– Не горюй, узнаем, – Сашка продолжил свои изучения. Он наугад набрал десять цифр. Потом другие десять цифр. Потом он ощупал аппарат со всех сторон и радостно воскликнул: – Арт, тут же нет никаких щелей: ни для монет, ни для пластиковой

карточки!

– И что это значит? – сказал я. – Мобилка?

– Что это значит? По-моему, это вообще не телефонная

«Блюда» в меню располагались по мере увеличения цены. Первыми в списке значились: «Apollo» и «Spoetnik». Стоили они одинаково – по 5,00.

Мысли его ворочались вяло, но всё ещё ворочались, и он подумал: «Американская и советская космические программы повлияли и на наркош. «Аполлон» со «спутником» увековечены в названиях химической дури. Теперь без всяких ракет можно в космос летать».

Следующими шли «Joints» по цене 10,00 за один.

«Косяки с марихуаной. Пробовал-пробовал я эти сигаретки. Неплохая вещь, но слабовато. Не пойдёт. Надо что-то убийственное. Гробовое. Чтобы уже не вернуться.»

Потом потянулись «восточные сладости»: «Maroc», «Afganistan», «Libanon». В ценовом диапазоне от 11,00 до 18,00. Он равнодушно прокомментировал:

«Марокко, Афганистан, Ливан. Раскалённый ветер пустыни. Песок на зубах. Караваны верблюдов... Нет. Пас. Что там дальше? «Crack». О, да. Знаменитый «крэк». «Бог хочет «крэка»...»² Откуда это?... Разбодяженный героин. Этот

² «Бог хочет «крэка» – Фраза из песни «То, что Бог хочет» с сольного альбома Роджера Вотерса «Amused To Death» («Развлечённые до смерти»). (Прим автора).

посильнее будет. Но не то. Отрава должна быть фатальной».

Затем он прочёл:

««Cokepasta». Понятно. А это разбодяженный кокаин».

В скобочках стояло: (for love).

«Для любви... Перемолола она меня. Своими шестерёнками. Раздробила кости. Порубила мясо. Никаких чувств не осталось. Лишь ошмётки мозга... Самая дорогая проститутка Голландии ничего сделать не смогла. Какая, к дьяволу, любовь? Всё, приехали, вылезай, паря.»

За 40,00 можно было приобрести «Speed» («Скорость»). В скобках было написано: (Madonna!). Он холодно заметил:

«Мадонна с младенцем. Матерь божья... Или поп-певичка. Скорей всего, поп-певичка. Скоростной оргазм. Точно».

Наконец появились тяжеловесы. Цена резко возросла. Первым шёл «Boris». За 135,00.

«Опять русское слово. Это случайно не Ельцина они имеют в виду? А что? Подходит. И народ с ног валит, и никак от него не избавишься. От гниды.»

Вторым значился 90-процентный кокс из Америки. А завершал список 90-процентный героин из Турции. Кокс стоил 200,00, героин – 275,00. В самом низу было приписано: «Includid Tax!». То есть: «С учётом налогов!». В этом месте его сознание несколько оживилось:

«Турки побили америкосов... Хотя на самом деле, наверное, героин из Афгана, а кокс из Колумбии. Подобно тому, как «настоящий английский чай» всегда был индийским...

Не исключено даже, что оба наркотика из Колумбии... Как раз то, что надо. Гульдены есть. Возьму побольше. На все деньги. И... Только одна мысль гложет меня. Не даёт покоя. Как червяк, грызёт. Ну, сам-то ты не выдержал, не справился, надорвался, а ему зачем её оставляешь? Это же армагеддон, конец света... Они же ничего не понимают. Они думают, счастье, рай. Стремятся, жаждут, тратят свои жалкие душонки. Аналитик и тот с ума съехал... Почему я её не взорвал? Да потому что сам такой же. Ничем не лучше. Потому что однажды заключил сделку с сатаной... Это меню, его ведь продолжить можно. Женщины. Деньги. Власть... Но в конце всё равно будет стоять она – Машина. Ниже её просто ничего уже поставить невозможно...»

6

Роджер с восхищением смотрел на Луну. Луна была огромная, тёмно-жёлтая и светила, как ему казалось, манящим, гипнотическим светом. «Почему её сравнивают с головкой сыра? Совершенно она на сыр не похожа. Как по мне, так она скорее напоминает круглый самородок. Золотой шар. А цвет золота всегда меня прельщал. Может быть, поэтому Луна присутствует в моём творчестве? Да, наверное. Только вот хрен они клали на моё творчество. Из Безумца

культ сделали³, а меня забыли. Они вообще не знают, кто я такой. Ничтожные людишки. Червяки. Плюнуть бы им всем в рожи. «Тёмную сторону Луны» боготворили, вечеринки в честь её устраивали. «Стену» обожали, с ума по ней сходили. А «Amused To Death» проигнорировали. Такую пластинку не заметили! Шедевр! Если бы на её обложке было написано «Pink Floyd», то тоже вознесли бы до небес. Развлечённые до смерти. Комфортабельно онемелые.

А они вознесли до небес «The Division Bell». Первое место и в Англии, и в Штатах. Ни «Луна», ни «Стена» таких высот не достигали. Поразительно! Эти бездари обманули всё человечество! Эти подонки: Пижон, говнюк сраный, вечно строящий из себя гения, Автогонщик, ради денег предавший меня, своего самого близкого друга, и Джазист-Анашист, постоянно недовольный моими идеями, но так ни разу не родивший ни одной своей. «Роджер, ты сочиняешь не ту музыку, надо больше оркестровок, больше джаза.» Идиот обдолбанный! Я его выгнал, но он опять со своим хорькообразным рылом влез в группу. А жена Пижона стихи им сочинила! Совсем свихнулись, влагалища. Мать их!

Эх, мне бы машину времени. Мне бы вернуться из девяностых в восьмидесятые. Всё бы изменил. Они бы у меня поплясали. Как шёлковые бы ходили. А не нравится, повыгонял бы к хренам собачьим.»

³ Из Безумца культ сделали – Имеется в виду сошедший с ума Сид Барретт, участник группы «Пинк Флойд». (Прим. автора).

Богатое воображение живо нарисовало ему картинку, как Пижон и Автомеханик ползают перед ним на коленях, умоляя, чтобы он оставил их в «Пинк Флойде». Как он со всего размаху бьёт кулаком по хитрожопой носопатке Автогонщика. А Пижон в это время в испуге закрывает ладонями своё кукольное модельное личико. Роджер улыбнулся и увидел на золотом фоне Луны гигантскую чёрную надпись: «ROGER WATERS».

«Вот это был бы промоушн! Куда там надувной свинье! Это было бы бессмертие. Выходишь вечером на балкон, а в небе висит Луна с моим именем. Круто! Круче не бывает!»

Но тут воображаемая надпись исчезла, и он в который раз снова подумал о том, какую колоссальную кучу долларов его бывшие коллеги заработали без него. И тогда в бессильной злобе на них он завыл на Луну. Как Симус, как Мадемуазель Нобс⁴, как человек, раздавленный сапогом фатального рок-н-ролла.

7

У Фёдора Конюхова была странная привычка справлять малую нужду, стоя на корме яхты, на которой он путешествовал. Сам себе он объяснял это философски – мол, я возвращаю назад воду, испарившуюся когда-то с поверхности

⁴ Как Симус, как Мадемуазель Нобс – Клички собак, имеющих отношение к творчеству «Флойда». (Прим. автора).

океана, то есть закольцовываю кругооборот H_2O в природе. Кроме того, была и другая логическая причина. Своими действиями он значительно снижал наполняемость фановой цистерны судна.

Фёдор знал множество историй, рассказанных бывалыми моряками, о том, что такие вот привычки заканчивались порой трагически. Люди, идущие не в галюн, а писающие с палубы того или иного плавсредства, иногда бесследно исчезали, а спустя время их трупы вылавливали в море. Обстоятельства гибели никому точно не были известны, поскольку, как правило, свидетели отсутствовали, но предположительно «писающие мальчики» поскальзывались, бились затылком о металл, теряли сознание и падали за борт. Однако на этот случай у Фёдора имелся, так называемый, «пояс монтажника». Если бы ни странная привычка, то Фёдор не стал бы свидетелем ещё более странного явления природы.

В тот вечер он, как обычно, отправился на корму «Мурены», пристегнулся карабином к лееру, расстегнул ширинку и... на расстоянии полутора кабельтовых от яхты увидел столб зелёного света, который неожиданно возник строго по линии движения судна. Свет шёл из-под воды, уходил в густо усыпанное звёздами небо и там рассеивался. Конюхов так удивился, что даже забыл о цели своего прихода. С расстёгнутыми штанами он минут пять наблюдал за необычным океанским феноменом.

Яхта со скоростью 7 узлов удалялась от таинственного лу-

ча, и Фёдор уже стал подумывать о том, что, может быть, развернуть её и исследовать явление. Он с удовольствием освободил свой мочевого пузырь, одновременно размышляя, как ему половчее подобраться к зелёному столбу. Не успел он, как следует заправить рубашку в джинсы, как новое обстоятельство заставило его опять удивиться. Из зелёного луча... вылетел оранжевый шар. Два вопроса сразу же задал себе Фёдор: откуда это он взялся и почему шар не зелёный, а оранжевый?

Но помыслить над вопросами основательно ему не довелось, потому что шар стал стремительно догонять «Мурену». Через десять секунд он был на полпути к яхте, а через двадцать висел точнёхонько над головой Конюхова. Большой, цвета апельсина шар, словно прожектор, обрушил на Фёдора всю мощь своего свечения. Фёдор так перепугался, что забыл, что он пристёгнут к лееру цепью. Он попытался убежать в каюту, но какая-то неведомая сила его не пускала. Он боялся смотреть вверх, а смотрел на всё ещё хорошо видимый зелёный луч, торчащий вдали из воды, и молился. Он три раза прочёл «Отче наш», а потом, словно кто-то там, наверху, нажал на выключатель – и зелёный луч, и оранжевый шар бесследно исчезли, будто их и не было никогда.

Ночью он почти не спал. Впадал в полудремоту. Снился ему странный сон. Вроде как он ныряет в том месте, где видел луч. Ничего не находит. А выныривает и, оказывается, что одна рука у него зелёная, а другая оранжевая.

Рассвет застал его у штурвала. Он думал о том, что хотя он и знаменитый путешественник, но никто ведь не поверит его рассказу; что нужно всё время ходить с фотоаппаратом; что одиночная кругосветка не предполагает очевидцев, и что если бы он не помолился, то неизвестно, чем бы всё это дело с шаровой молнией закончилось. А когда солнце по-настоящему пригрело, и он снял штормовку, он вдруг вспомнил, что вчера он, чисто автоматически, засёк координаты луча по GPS-навигатору. Он спустился в каюту, нашёл записи, и в справочнике Ллойда выяснил поистине поразительную вещь. Оказалось, что вчера его яхта «Мурена» прошла над местом гибели одного очень легендарного корабля. И назывался тот корабль «Титаником».

8

Клацнула клавиша. Появился человек, стоящий спиной к зрителю. Одетый непонятно во что, но во всё чёрное. Его плечи, спина, руки, ноги были увешаны большими лампочками. Лампочками накаливания. Матовыми. Она прикинула на глаз, сколько их тут, подумала: «Примерно пятьдесят... Да, есть что-то от Дали. Смотришь и смотреть хочется. Завораживает. Сюр».

Щёлкнуло колёсико. На зажигалке была картинка «летающей тарелки» с буквами ELO посередине. Затянулась ментоловой сигареткой. «Он думает, он самый умный. Объяс-

нял, что эти лампочки обозначают. Что Торгерсон имел в виду. А я с серьёзным видом его выслушивала. Хи-хи. Нёс какую-то хрень. На самом деле идея довольно примитивная. Хотя... Питер Габриель смотрелся довольно здорово. Особенно в темноте. Видимо, тоже в поклонниках Сторма ходит. Иначе, зачем бы ему из себя делать реального «Человека с лампочками» на сцене. Немного смешно, правда, выглядел кабель-хвост позади чудо-куртки. Хи-хи.»

Бахнула пробка. Зашипело шампанское. Полилось в фужер. ««Сегодня праздник у девчат...» Ушла реликвия-меморабилия. За 8 тысяч у.ё. ушла. С аукциона Е-бай. Хи-хи. Это надо отметить. Теперь я импланты вставляю. И в груди, и в ягодицы. Они там, в Альбионе, спермой изойдут, когда Лизу-Королеву увидят... Мозгов навалом, а вот красоты... Сошлись мы с ним на почве обоюдной симпатии к английскому языку и западной рок-музыке. Продал мне «Человека» за 30 долларов, а на все деньги цветов купил. Влюбился, дурачок. «Рыжий, рыжий, конопатый...»»

Клик, клик, клик-клик. «Вот кто обаяшка, вот мой настоящий герой. Кучерявенький, с бородкой. Великий и неповторимый Джефф Линн! А какой талантливый! Все песни для «Electric Light Orchestra» сочинил! Где самая вкусненькая – «Ticket To The Moon»?» Клик, клик, клик-клик. В наушниках зазвучала её любимая песня. Она стала подпевать: «I've got a ticket to the moon, I'll be leaving here any day soon (У меня есть билет на Луну, скоро я уеду отсюда, в любой день)

... Got a ticket to the moon, I'll be rising high above the earth so soon (Есть билет на Луну, очень скоро я вознесусь высоко над Землёй)... Ticket to the moon, fly, fly through a troubled sky up to a new world shining bright (Билет на Луну, полечу, полечу сквозь тревожное небо в новый ярко сияющий мир) ... Ну, просто прелесть! А от «Пинк Флойда» у меня голова болит.»

Клац, клац, клац-клац. Вернулась к «Человеку с лампочками». До дна осушила бокал, закусил шоколадкой. Клац, клац, клац-клац. Ожил цифровой лазерный принтер. Вставила лист бумаги. «Как бы у него «Два лица в одном» выманить? Мне ведь ещё фэйс надо подправить. «Ты не накрашенная страшная и накрашенная...» Хи-хи. А эту копию я в рамочку вставлю, на стеночку повешу. Пусть думает, что оригинал.»

9

Мероприятие проводилось в обстановке строжайшей секретности. Во времена Интернета иначе было и нельзя. Все они прилетели в Москву по отдельности, инкогнито – с чужими паспортами, загримированные под других людей. Многотонный груз прибыл из Лондона спецрейсом. Без указания каких-либо известных имён и названий в сопроводительных документах. Обслуживающая бригада («crew») хоть и была британская, но, во-первых, её численность сократили

до минимума. А, во-вторых, с рабочих сцены взяли подписку о неразглашении. Персонал Государственного Кремлёвского Дворца под предлогом «аварийных работ» был отправлен по домам, и псевдоремонтники на сутки оккупировали здание. Федералы сработали, как надо.

В концертном зале на шесть тысяч мест сидел только один человек (звукотехник за микшерским пультом в счёт не шёл). Именно для него они должны были выступить. Музыканты ждали сигнала. Им сказали, что человек в зрительном зале подаст знак. Но что-то он не спешил.

Пэйси со скучающим видом восседал за барабанной установкой (только толстые стёкла его очков поблескивали), Блэкмор с Гилланом тихо беседовали (над чем-то посмеиваясь при этом), клавишник Джон Лорд что-то там подкручивал в своём пошарпанном «Hammond»-органе, а Роджер Гловер пил минеральную воду из пластиковой бутылки (видимо, жажда его мучила после вчерашнего). «Золотой» состав группы «Deer Purple» простаивал без дела.

Несмотря на то, что свет прожекторов ослеплял музыкантов, и человек в зрительном зале почти не был им виден (лишь смутная фигура), однако они знали, для кого они будут играть. Каждому из них заплатили по два миллиона долларов (очень хорошие деньги), и поэтому они не выражали никакого недовольствия. Да им и самим было интересно. Не каждый ведь день выступаешь перед Президентом России.

Дмитрий Медведев не торопился, растягивал удоволь-

ствие. Он рассматривал «тёмно-лиловых» и, с умилением предаваясь воспоминаниям, размышлял: «Всегда обожал этих мерзавцев. Полюбил, начиная с альбома «In Rock»: «Король скорости», «Дитя во времени». Он тогда мне просто крышу снёс. Почему я, советский мальчик, запал на западную музыку? Потому что у нас никто так играть не умел. Да и сейчас не умеет. В России нет ни одной группы, которая хотя бы отдалённо напоминала «Led Zeppelin», «Queen», «Pink Floyd». А тем более «Deep Purple». Недаром они почти каждый год в Россию на гастроли приезжают. На их концертах постоянно аншлаги. Вон Иэн Пэйс даже футболку надел с надписью «I love Russia». Хотя, может, это он мне угодить решил? Скорее всего. Я снова собрал дип-пёрпловцев в их звёздном составе. Вернул Блэкмора и Лорда из творческой эмиграции. Пусть вспомнят молодость, порадуют себя и меня. В первом отделении концерта они сыграют «Machine Head», а «The Best Of...» – во втором. (В антракте схожу на сцену, пофотографируюсь с ними.) «Machine Head» – их самая лучшая пластинка. Шедевр, записанный всего лишь за 9 дней! Как я переводил название? Как только ни переводил! И «Голова машины», и «Машинный интеллект» и даже «Человек-машина». А оказалось совсем просто. Выражение «machine head» означает «колок (гитары)». Это Серёга Иванов меня просветил, когда учил английскому языку. Любитель «Пинк Флойда». Эстет. За то, что помог с английским, я ему разрешил присутствовать. Придёт во втором отделе-

нии. На балконе сядет, тихонько посидит. Это всё-таки мой день. Для меня они будут играть сегодня, больше ни для кого. Я об этом всю жизнь, можно сказать, мечтал. Может быть, и президентом стал ради этого. Что движет человеком? Желание. Нет желаний, нет человека. У всех президентов России были тайные желания. Горбачёв хотел с королевой Великобритании переспать («Е...ать так королеву!»). С королевой у него не вышло, а вот с Маргарет Тэтчер срослось. Ельцин мечтал с президентом Америки выпить на брудершафт и поцеловаться взасос, как Брежнев с Хонеккером. Получилось. С Клинтоном он и выпил, и поцеловался. Путин в космос хотел на недельку слетать. Уже в Звёздном городке тренироваться начал. Вот только несчастный случай помешал. Правительственная комиссия так ничего и не выяснила, был это несчастный случай или нет. Что там выяснишь, когда от Путина только мокрое место осталось. Как же ты, Вова, так опростоволосился? Не доглядел где-то. Может, это Серёга тебе катастрофу организовал? А теперь в премьер-министрах ходит...

Ладно, разберёмся, выясним... Хватит уже их мариновать. Совсем застоялись, ребята, загрустили. Пора повеселиться. Порок-н-роллить».

Дмитрий Медведев взял с соседнего кресла мегафон, включил его и радостно гаркнул: «Let's go, guys!»

Конечно, изображая человека с лампочками, знаменитый художник-оформитель подразумевал световые шоу, которыми так славилась группа «Пинк Флойд». Но лично для меня этот персонаж имел более глубокий смысл, о котором сам Торгерсон, как оказалось, и не догадывался. Я полагал, что у каждого человека есть, фигурально выражаясь, такие вот лампочки. Правда, не у каждого они зажигаются. Есть люди, прожившие всю свою жизнь с лампочками, так и не загоревшимися. Есть люди, у которых они светятся лишь вполнакала. Таких, у которых лампочки ярко горят, единицы. Причём, есть те, у которых лампочки горят белым светом, а есть те, чьи светятся чёрным. К числу последних я теперь относил и одного из моих близких друзей.

Я ушёл от Рок-н-ролла в расстроенных чувствах, не купив у него ни одной своей вещи. Приобретённое за бесценок Рок-н-ролл собирался продать мне почти по магазинной цене. Честно признаться, не ожидал я от него такого подвоха. Он просто убил меня наповал. В моём сознании словно что-то перевернулось. Рок-н-ролл в одночасье вдруг превратился в маленького злобного карлика, стал похож на мерзкого упыря, и иметь с ним какие-либо отношения дальше мне больше уже не хотелось. Вот такой подарочек я получил на свой день рождения.

Никто, однако, не спешил меня с ним поздравлять. Может быть, потому, что мой мобильный телефон остался не выкупленным у Рок-н-ролла. Пойти и приобрести новый? Очень смешно. Жалко, что Сашка Немец снова уехал в очередную свою «археологическую экспедицию», а то бы мы с ним сегодня погудели. Это, наверное, мой единственный настоящий друг. Вместо мобильного телефона куплю лучше бутылку хорошего вина. И пойду праздновать к Лизавете. Она, к сожалению, так и не поняла моих объяснений по поводу лампочек, хотя сделала вид, что вроде как поняла. Но, а куда мне ещё идти? Не праздновать же свой день рождения в компании лишь с телефонной будкой? Что мне с этой будкой делать, ума не приложу. Стоит вместо мебели. Абсолютно бесполезный агрегат. Код так и остался неизвестен. Сашка всё же набрался наглости и посетил местное отделение «DHL». Однако толку от этого визита не было никакого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.